

конструкции. Их основной особенностью является то, что они строятся с помощью ядерного каркаса и тех же синтаксических процессов, что и простое предложение. Поэтому при анализе их следует вычленять в первую очередь и в дальнейшем анализировать как простое предложение с учетом особенностей в выражении подлежащего и сказуемого; а при синтезе их следует связать с предложением на последнем шаге порождения предложения. Для этого следует разработать еще один, совершенно новый раздел анализа предложения — «сочленение», в котором должны рассматриваться различные виды связи предикативных и полупредикативных единиц.

Замещение и репрезентацию (стр. 170) следует связать с местоименностью в широком смысле слова. Местоимения и местоименные наречия соотносятся непосредственно с денотатом, и поэтому могут употребляться без упоминания о референте другими средствами. Что касается слов-заместителей и репрезентантов, то они соотносятся не с денотатом, с дисигнатом и встречаются обычно после неместоименного слова. Различие между замещением и репрезентацией лежит в плане выражения. Пользуясь терминами из рецензируемой книги, можно описать репрезентацию как замещение с опущением, или, что то же, с компрессией.

Предлагаемая Г. Г. Почепцовым система базисных структур и их распространений не может быть абсолютно исчерпывающей, так как языковой континуум невозможно полностью покрыть дискретной сеткой. Но автору удалось создать

очень подробную, продуманную и достаточно релевантную систему — и в этом основная ценность предлагаемой работы как одной из ступеней в разработке синтаксиса простого предложения. Применение системы в решении теоретических и практических задач выявит пути ее усовершенствования. Сам Г. Г. Почепцов подчеркивает, что он не претендует на изложение истины в последней инстанции (стр. 5). Очевидно, некоторые ядерные предложения можно будет отбросить (особенно ядра с обстоятельством времени) и считать распространением других ядер. Некоторые ядра разделятся на два или более ядерных каркасов. Потребуется выделение новых ядер, например, парноасимметричных предложений типа *No pains, no gains; Calf-love, half-love*.

Книга Г. Г. Почепцова не только предлагает общую систему, обеспечивающую глубокое проникновение в структуру современного английского языка, не только богата многочисленными частными наблюдениями, свидетельствующими о многолетнем и плодотворном изучении ее автором английской грамматической системы (например, возможность опустить инфинитив после дополнения к глаголу *hear* — стр. 156; позиция объектно-предикативного члена перед дополнением — стр. 157), она еще ценна тем, что будит мысль читателя, увлекает его и заставляет разрабатывать дальше и уточнять описываемую теорию, спорить с автором и искать выхода из возникающих трудностей. Это очень полезная и нужная книга.

Я. Г. Биренбаум

А. Е. Кибрик, С. В. Кодзасов, И. П. Оловянникова. Фрагменты грамматики хиналугского языка. — Изд-во Московского университета. 1972. 379 стр.

Рецензируемая книга посвящена описанию одноаульного бесписьменного языка дагестанской ветви восточнокавказских языков, который известен под именем хиналугского (сами хиналугцы называют себя *käl'd*). Изучение хиналугского языка важно в двух отношениях: 1) оно является необходимым звеном при создании сравнительно-исторической грамматики восточнокавказских (нахско-дагестанских) языков; 2) изучение хиналугского может иметь общелингвистическое значение, так как это язык с весьма своеобразной структурой. Если к сказанному добавить, что языкознание располагало всего лишь одной монографической работой об этом языке — «Грамматикой хиналугского языка» Ю. Д. Дешериева (М., 1959), то станет оправданным большой интерес к новой работе в этой области.

Рецензируемая книга опирается на материал, добытый во время двух экспедиций, организованных отделением структурной и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ, которыми руководил А. Е. Кибрик. Тем самым в рецензируемую работу свою долю внесли и студенты (см. стр. 8). Все части грамматики в окончательной редакции написаны А. Е. Кибриком и С. В. Кодзасовым. Хиналугско-русский и русско-хиналугский словники составлены И. П. Оловянниковой. Заглавие книги — «Фрагменты грамматики хиналугского языка», по нашему мнению, несколько скромно и не соответствует действительности: книга является весьма полным и последовательным описанием фонологической и грамматической систем хиналугского языка. Необходимо отметить, что книга написана на высоком научном

уровне, отличается гармоническим сочетанием формализации описательной методики с глубоким пониманием внутренней структуры языка, изобилием иллюстративного материала.

Рецензируемая книга состоит из «Предисловия» (стр. 5—9) и четырех глав — «Фонологическая система», «Морфология словоизменения», «Употребление грамматических форм», «Элементы глагольного словообразования», после которых идут заключение, тексты, словники и различные указатели (в том числе — «Список служебных морфем» и «Конкорданс грамматических форм»).

Гл. 1 «Фонологическая система» (стр. 10—47) знакомит читателя с тремя видами записи материала, которые соответствуют трем уровням репрезентации высказываний: морфонологической, фонологической и фонетической. Здесь же даются фонологические правила, посредством которых фонологические репрезентации выводятся из морфонологических, и фонетические правила, служащие посредниками между фонологическим и фонетическим уровнями. При установлении фонемного инвентаря даются надлежащие пояснения и комментарии. Некоторые из высказанных авторами мнений мы не разделяем и считаем нужным заметить по этому поводу следующее:¹

1. В таблице согласных фонем и звуков (табл. 3, стр. 19) представлено 76 единиц. Такое увеличение количества согласных связано с тем обстоятельством, что авторы считают такие признаки, как палатализованность, долгота (в непридыхательных), фонологически релевантными. В ряде случаев вводятся совершенно «новые» фонемы: /h/ (фарингальный спирант), /v̄/ (долгий губно-зубной спирант), /ɣ/ (переднеязычный звонкий спирант). Таким образом, вместо 32 согласных фонем дается почти в два с половиной раза больше. Рассмотрим отдельные пункты интерпретации звуков в рецензируемой книге.

а) Палатализованность как фонетическое свойство определенного ряда согласных фонем отчетливо выражена в хиналугском. Однако она носит автоматический характер: в соседстве с гласными переднего образования согласные реализуются как палатализованные, в остальных же позициях — как непалатализованные. Примеры: [mɪk^l] «лед», [iɕ^l] «кость», [wäk^l] «пояс», [iɣ^l] «ярмо», [ɛɣ^l] «сыр», [ik^l] «травя», [zäk^l] «шесть», [q'i] «сухой», [nūɕ^l] «мед», [mis^l] «медь», [mɪɕ^l] «масло», [zeɣ^l] «отвар» и др. Это замечено авторами (стр. 21). Однако в

¹ Мы будем придерживаться общепринятой латинской транскрипции, так как транскрипция, которая дается в рецензируемой книге, кажется нам несколько громоздкой.

виде исключения приводятся формы, где согласный, смягченный перед антериорными гласными, сохраняет свою мягкость и перед гласными заднего образования в результате словоизменения: [k'i] «баран» — [k'u] (дат. п.), [pšl'ä] «лиса» — [pšl'u] (дат. п.) и т. д. По нашему мнению, эти формы дат. падежа можно рассматривать как последовательности [k'ü] и [pšl'ü], в которых алломорфией показателя дат. падежа является передний гласный [ü] — именно он обуславливает реализацию предшествующих согласных в виде мягких k^l и l^l. Это оправдано и системой гласных хиналугского языка, которая, по утверждению авторов, содержит ряд огубленных гласных переднего образования (ɔ, ɔ̄). Тем самым, палатализованные согласные оказываются с непалатализованными в отношении дополнительной дистрибуции, и нет необходимости рассматривать эти два ряда звуков в качестве двух рядов фонем.

б) То же самое можно сказать и о так называемых «непридыхательных» согласных, которые якобы имеют долгие и краткие корреляты. Во-первых, аспирация не является релевантным признаком. Непридыхательных смыхных в хиналугском вообще нет. Однако интенсивные глухие (c_a, ɕ_a, k_a, t_a, q_a) характеризуются относительно малой придыхательностью. Во взрывных (t_a, k_a) аспирация чувствуется меньше, в аффрикатах (c_a, ɕ_a, q_a) — в большей мере. Хиналугские c_a и ɕ_a можно приравнять к аварским интенсивным неглотализованным аффрикатам. Среди интенсивных согласных (по терминологии авторов — «непридыхательных») нет противопоставления по долготе ни в интервокальной, ни в остальных позициях. Допустимо лишь свободное варьирование «более» и «менее» придыхательных интенсивных во всех позициях. К примеру, слово «брат» может реализовываться и как c_aɔ (с относительно большим придыханием после первой фонемы), и как c'aɔ (с меньшим придыханием), и как cɔɔ (последовательность постдентальных согласных, имеющая спирантный исход). То же самое можно сказать о формах inq'iri/inq'iri «жать», kuɕ_ai/kuɕ'i «пятый» и т. д. Не имеет места противопоставление по долготе и среди фрикативных и сонорных согласных, вопреки утверждению авторов (стр. 21).

2. Не совсем ясно, что разумеют авторы рецензируемой книги под «оглушением гласных» (стр. 14). Насколько нам известно, звонкость для гласных — само собой разумеющийся признак, без которого гласный не существует. Тем самым исключается возможность наличия глухих или оглушенных гласных. Приводимые примеры (стр. 14) свиде-

тельствуют о частичной или полной редукции гласных вследствие их безударности, но не под влиянием предшествующего придыхательного согласного (*ku-kác* «журица» → *lɔkákɔc*, *qacɔz* «орех» → *qacɔz*). Это явление аналогично выпадению гласных верхнего подъема (см. стр. 14).

3. Касаясь распределения согласных и возможности их комбинирования, авторы пишут: «В начале слова возможны лишь сочетания смычных (обычно /r^h/ или /b/) и аффрикат с фрикативными или плавными...» (стр. 28—29). Однако наблюдаются и другие типы согласных групп. А именно: «взрывной + взрывной» [*pt_əi* «глаза» (род. п.), *tk_əän* «колючка»], «аффриката + аффриката» (*qacɔz* «орех», *qčič* «годовалый теленок», *cqwa* «хлев»), «взрывной + аффриката» (*kčəqan* «сорок»), «фрикативный + взрывной» (*st_əal* «палец»), «фрикативный + аффриката» (*xčičin* «подушка») и др.

4. По мнению авторов, «... в настоящее время фонема [w] в хиналугском языке отсутствует...» (стр. 15). Это положение нуждается в уточнении: звуковые сегменты [w] и [v] могут свободно варьироваться в начале слова (*wač / vac* «луна», *wə/və* «ты»), а после согласных обычно выступает [w] (*cwa* «дом», *kwar* «дорога», *swa* «село»). Так что указанные звуки объединяются в одну фонему, которую условно можно представить как /w/ или же как /v/.

В книге дается правильная интерпретация звуковой последовательности *C + w*, которая квалифицирована как двухфонемная группа (стр. 23). Весьма убедительна и не подлежит сомнению трактовка увулярных /q/ и /q/ как аффрикат (стр. 18).

Гл. 2 «Морфология словоизменения» (стр. 48—128) содержит последовательное описание склонения и спряжения. Авторы блестяще справились с этой сложной задачей. Как известно, морфология хиналугского глагола ставит перед исследователями препятствия, преодоление которых связано с известными трудностями. Следует отметить, с одной стороны, предельную ясность изложения и формализацию описания, с другой же — надежность и богатство иллюстративного материала. В книге множество таблиц и схем, служащих для всестороннего ознакомления со структурой хиналугского языка.

В моделях порождения глагольных форм указан порядок следования морфем разных категорий с указанием на конкретные аффиксы. Однако порядковая структура хиналугского глагола дается здесь неразвернуто: отсутствуют сведения о взаимоотношении, с точки зрения упорядоченности между конкретными элементами, не указаны ранги отдельных элементов, нет общей группировки по порядкам. В примечаниях к схемам

даются те ограничения, которые накладываются на формообразование глагола системой хиналугского языка. В гл. 2 разбирается образование глагольных форм (причастия, масдара, деепричастия), а также классно-числовые показатели словоформ.

Не имея сколько-нибудь существенных замечаний к гл. 2, отметим лишь, что вопрос о наличии двух родительных падежей не может считаться окончательно решенным. Решение его связано с интерпретацией эргативного падежа, форма которого всегда совпадает с генитивом I. Генитив II имеет самостоятельную форму только в классе существительных с основой на гласный нижнего подъема. Во всех остальных случаях он совпадает с генитивом I и эргативом. Из других дагестанских языков эргатив и генитив имеют одинаковую форму в лакском, где конкретное значение этой формы определяется чисто контекстуально. Данный вопрос требует более детального анализа, тем более, что разница между генитивами I и II в хиналугском несущественна и при реализации возможно колебание.

Гл. 3 «Употребление грамматических форм» (стр. 129—212), поскольку она повествует о функциях, в определенной мере содержит и классификации грамматических категорий; эта часть книги снабжена примерами в виде фраз с русскими переводами.

В гл. 4 «Элементы глагольного словообразования» (стр. 213—234) подробно описаны семантически разложимые и неразложимые сложные глаголы, описательные типы глагольного образования и т. д.

К грамматическому очерку прилагаются хиналугские тексты с дословным и свободным переводами, а также хиналугско-русский и русско-хиналугский словники вместе с разного рода указателями. Последняя часть занимает примерно треть книги (стр. 243—369), отличается надежностью материала и переводов. Словники кроме перевода содержат квалификации языковых форм, с ссылками на соответствующие разделы книги.

Проделана весьма трудоемкая и кропотливая работа, результатом чего явилась рецензируемая книга, которая представляет собой отражение несомненного прогресса в советском кавказоведении. Те сведения и интерпретации, которые даются в рецензируемой книге, могут весьма способствовать дальнейшему изучению хиналугского языка как с синхронической, так и диахронической точек зрения.

Исследования, подобные «Фрагментам», по нашему мнению, помогают ускорить создание сравнительно-исторической грамматики дагестанских языков, а также послужат опорой для типологических исследований.

Б. К. Гизинейшвили